

## Глава 11

Жун Цзинь проследил за его взглядом и как ни в чём не бывало отпустил край бумаги.

Чи Фэйжань послушно взял контракт и углубился в чтение. В юридических тонкостях он ориентировался неплохо — в семьях их круга редко вырастали бестолковые наследники.

Прямо на глазах у Жун Цзиня изучив каждую строчку, Чи Фэйжань уже занёс ручку над бумагой, но помедлил, вспомнив, что Жун Цзинь всё ещё стоит рядом.

— Мне кажется, всё в порядке, — Чи Фэйжань повернулся к Жун Цзиню. — Гонорар, обязательства сторон, штрафы за нарушение договора... Всё прописано предельно чётко.

Жун Цзинь кивнул, давая понять, что теперь можно ставить подпись.

Чи Фэйжань склонился над столом.

"А Жун Цзинь совсем не такой, каким кажется, — подумал он, выводя аккуратные иероглифы. — С виду холодный, а на деле — на удивление отзывчивый."

Стоило «отзывчивому» Жун Цзиню вернуться к себе в шатёр, как Чан Хаоцин принялся сканировать его подозрительным взглядом.

— Что-то ты сегодня сам на себя не похож... — протянул агент.

Жун Цзинь молча открыл ноутбук и лишь безучастно уронил:

— Да?

Тон его так и сквозил равнодушием.

Чан Хаоцин лишь закатил глаза. Впрочем, сдаваться он не собирался — иначе бы уже лет восемьсот как лопнул от злости и утащил этого упряма за собой на тот свет.

— То лезешь в партнёры по репетиции, то заставляешь читать контракт... Побойтесь бога, господин Жун! Мальчишке ведь всего семнадцать! Ну ты и бесстыдник!

— Ладно, тогда я подожду, — лениво отозвался Жун Цзинь. — Восемнадцать ему исполнится довольно скоро.

Чан Хаоцин на мгновение опешил, не понимая, шутит тот или говорит серьёзно. Он попытался прочесть хоть что-то на лице Жун Цзиня, но оно оставалось непроницаемым.

Чан Хаоцин кашлянул, пытаясь сдать назад:

— Да ладно тебе... Я же пошутил.

— Какое совпадение, — парировал Жун Цзинь. — Я тоже.

Поняв, что разговор зашёл в тупик, Чан Хаоцин всё же решил докопаться до истины. Жун Цзинь явно вёл себя подозрительно.

— И всё-таки, неужели совсем никаких планов на него? — не унимался агент.

Вспомнив о Чи Фэйжане, Жун Цзинь невольно усмехнулся. Ловко управляя своим игровым персонажем, он бросил:

— Это мой маленький фанат.

Чан Хаоцин мысленно закатил глаза. На съёмочной площадке в кого ни плюнь — попадёшь в поклонника Жун Цзиня. Что-то раньше никто из них не устаивался такой трогательной заботы и наставлений.

С другой стороны, Жун Цзинь никогда не позволял себе лишнего. Наверняка просто проникся симпатией к миловидному новичку. И всё-таки правы те, кто считает привлекательность главным козырем в жизни. Даже суровый Жун Цзинь растаял перед красивым лицом.

Чан Хаоцин даже укололся лёгкой завистью: будь он хоть в половину так же хорош собой, как Чи Фэйжань, этот несносный актёр, возможно, не трепал бы ему нервы с утра до вечера.

Слегка погрузив о наблевшем, Чан Хаоцин посерьёзnel:

— Ладно, кроме шуток. Жун Цзинь, этот парень непрост. Не стоит сходить с ним слишком близко.

Пальцы Жун Цзиня на мгновение замерли над клавиатурой. Он поднял взгляд, немо вопрошая: «С чего вдруг?»

Чан Хаоцин подался вперёд и вполголоса произнёс:

— Его ведёт Ли Юань. Сама компания выделила его в качестве агента. Понимаешь, что это

значит?

Пока Чан Хаоцин не знал, кто опекает Чи Фэйжання, он видел в нём лишь смазливового дебютанта. Но новость о том, что за него взялся сам Ли Юань, заставила агента насторожиться. Ли Юаня на побегушках держать не станешь. Даже если истинное происхождение Чи Фэйжання окутано тайной, связи за ним стоят колоссальные. Мальчик, конечно, производит впечатление невинного ангелочка, но кто поручится, что он не фаворит какого-нибудь влиятельного покровителя? Если Жун Цзинь ввяжется во всё это, то рискует на ровном месте нажить себе могущественных врагов.

Жун Цзинь снисходительно усмехнулся:

— И ты думаешь, он из этих?

— Не хочу вешать ярлыки, — уклончиво ответил Чан Хаоцин. — Но бережёного бог бережёт. Держись от него подальше.

Жун Цзинь смерил его холодным, пронизательным взглядом светлых глаз.

— Твоё хвалёное чутьё на людей совсем притупилось, — сухо констатировал он.

— Да я, блин, ради кого вообще распинаюсь?! — вскипел Чан Хаоцин.

Жун Цзинь не стал спорить.

— Ты ведь смотрел его выступление на Музыкальном фестивале. Ну и как тебе?

— Ну... — Чан Хаоцин на мгновение замялся. — Спел он действительно отлично.

И это ещё мягко сказано — его дебют произвёл настоящий фурор.

— У него блестящая фортепианная школа, — продолжил Жун Цзинь. — Такую технику ставят только лучшие мастера. И если бы ты удосужился прочитать титры, то заметил бы, что он сам написал и музыку, и стихи.

Чан Хаоцин мысленно чертыхнулся. Он просто смотрел шоу ради красивой картинки, откуда ему было знать про титры! Но Жун Цзинь, в отличие от него, подмечал каждую мелочь.

— А теперь посмотри на то, как он держится, как говорит и общается с людьми, — Жун Цзинь перевёл взгляд на агента. — Представь, сколько сил и средств нужно вложить, чтобы воспитать такого ребёнка.

В обществе любят рассуждать о «породе» и «благородстве». Но что это такое на самом деле? Понятие весьма абстрактное. Стоит увидеть человека с безупречной осанкой и в дорогом костюме, как его тут же называют аристократичным. Но подобный лоск — лишь ширма, способная ненадолго обмануть посторонний глаз.

Настоящая порода выковывается поколениями. Она требует колоссальных денег и многолетнего кропотливого труда. Без этого истинного фундамента в манерах, речи и суждениях рано или поздно проявится фальшь.

Глядя на притихшего агента и представляя, какие нелепые слухи могут ходить за спиной Чи Фэйжання, Жун Цзинь снова усмехнулся.

Он отвернулся к экрану и вернулся к игре, добавив вкрадчивым тоном:

— Выбрось из головы всю эту чушь. С его воспитанием и манерами он мог бы с легкостью сойти за принца из монаршей династии.

Возразить на это было нечего. Чан Хаоцин знал, что в людях Жун Цзинь разбирается безошибочно. Он лишь примирительно развёл руками:

— Ладно-ладно, признаю свою неправоту. Зря я развёл тут конспирологию.

\*\*\*

Пока они вели этот разговор, скрытый от чужих ушей, Чи Фэйжань обустроивался в своём шатре.

Чэнь Мэнъян делом доказал, что не зря ест свой хлеб. В качестве личного ассистента он проявил чудеса предусмотрительности, прихватив с собой буквально всё, что могло понадобиться в суровых полевых условиях.

Чи Фэйжань лишь растерянно наблюдал, как тот с завидным упорством, точно трудолюбивый муравей, извлекает из бесчисленных коробок и сумок полезные мелочи. Попытки помочь были мягко, но решительно отвергнуты.

Ли Юань увёл юношу в сторону:

— Не мешай ему, это его работа. Твоё дело — сосредоточиться на съёмках и не отвлекаться на бытовые мелочи.

Согласившись, что каждый должен заниматься своим делом, Чи Фэйжань перестал переживать и вернулся к обсуждению предстоящей роли. Ли Юань ещё раз терпеливо разъяснял ему

базовые правила поведения на площадке. Конечно, перед мотором режиссёр разберёт сцену и покажет мизансцену, но Ли Юань предпочитал перестраховаться. Лучше заранее войти в курс дела, чем потом стоять перед камерой в полной растерянности.

Агент не только объяснял тонкости актёрского мастерства, но и делился бесценными инсайдами: объяснил, каков в гневе режиссёр Цзинь и какие темы не стоит поднимать в разговоре с ведущими актёрами проекта.

Когда очередь дошла до исполнителя главной мужской роли, Ли Юань на мгновение замялся, подбирая слова.

— Что касается Жун Цзиня... — осторожно начал он. — С виду он кажется неприступным и холодным, но на самом деле характер у него вполне сносный. Он абсолютный профессионал, никаких капризов или звёздной болезни за ним не водится. К фанатам относится с уважением. Единственное — он не любит шумных компаний и предпочитает держаться особняком.

Большого Ли Юань добавить не мог.

За долгие годы в шоу-бизнесе Жун Цзинь ни разу не запятнал свою репутацию скандалами. Его благородная внешность и мощная харизма возвели его в ранг божества в глазах публики, а титул киноимператора лишь закрепил этот статус. О его замкнутом образе жизни слагали легенды. Папарацци давно отчаялись поймать его на горячем: Жун Цзинь курсировал исключительно по маршруту «дом — съёмочная площадка». За весь год его едва ли удавалось подловить на улице пару-тройку раз. Даже близкие друзья из индустрии в шутку жаловались, что вытащить его куда-либо практически невозможно. Вне работы любая встреча с ним превращалась в невыполнимый квест.

Чи Фэйжань задумчиво кивнул. Значит, вот он какой, великий Жун Цзинь...

Совсем не такой, как представлялось на первый взгляд.

"Наверное, он просто интроверт, — размышлял юноша. — Внешне холодный, но с добрым сердцем."

Вслед за этим в его памяти всплыл образ совсем другого человека.

— Фэйжань? — окликнул его Ли Юань. — О чём ты задумался?

— А? Да так, ни о чём, — Чи Фэйжань поспешно нацепил улыбку, хотя на душе у него вдруг стало беспокойно. — Просто устал немного с дороги.

Ли Юань взглянул на часы. День действительно выдался суматошным, и утомление юноши было вполне объяснимо. Пожелав подопечному хороших снов, агент вместе с Чэнь Мэнъяном

покинул шатёр.

Чи Фэйжань растянулся на походной кровати, но сон не шёл. Он ворочался с боку на бок, а в голове крутились тяжёлые, безрадостные мысли.

Как же странно устроена жизнь: совершенно чужие люди, которых он видел от силы пару раз, проявляют к нему искреннюю заботу. В то же время его родной брат, с которым они выросли бок о бок и всегда прекрасно ладили, возможно, хладнокровно спланировал его убийство.

От этого предательства сердце сжималось от невыносимой боли.

Он забылся тревожным сном лишь под утро. Стоило проснуться, как в зеркале его встретило бледное лицо с тёмными тенями под глазами.

Гримерша, нанося плотный слой консилера, только сокрушенно вздыхала. Она решила, что парень просто переволновался перед своим первым съёмочным днём:

— Милый, перед выходом на площадку обязательно закапай капли, глаза совсем красные. И не переживай ты так! На съёмках тебе всё подскажут и покажут, никто тебя одного под танки не бросит.

Чи Фэйжань сидел смирно, боясь смазать грим, и лишь благодарно улыбнулся:

— Хорошо, спасибо вам большое за заботу.

— Да за что тут благодарить, глупенький, — растаяла от его вежливости женщина. — Давай, поверни голову чуть правее...

Надев игровой костюм и воспользовавшись каплями, которые вовремя принёс Чэнь Мэнъян, Чи Фэйжань отправился к режиссёру Цзиню.

Жун Цзинь уже ждал там.

Дебютную сцену для новичка выбрали максимально простую, не требующую сложных актёрских задач.

Режиссёр Цзинь пребывал в отличном расположении духа. Сжимая в руках раскадровку, он увлечённо объяснял задачу:

— Так, ребята. Чу Бай садится под деревом, опирается спиной о ствол и снизу вверх смотрит на Чу Хэна. Постарайтесь показать доверительную, почти интимную близость. Фэйжань, можешь

легонько потянуть его за рукав...

Чи Фэйжань ловил каждое слово, в то время как Жун Цзинь украдкой разглядывал юношу.

Когда их пригласили на репетицию мизансцены, Жун Цзинь негромко спросил:

— Не выпался?

Чи Фэйжань растерялся и невольно коснулся лица:

— Неужели заметно?

Он ведь только что мысленно рукоплескал мастерству гримера, сотворившего чудо с его лицом.

Жун Цзинь тепло улыбнулся:

— Я просто чувствую.

— Наверное, просто непривычно на новом месте, — уклончиво ответил Чи Фэйжань.

Жун Цзинь понимающе кивнул:

— Волнуешься перед мотором?

До этого момента Чи Фэйжань держал себя в руках, но теперь волнение накатило с новой силой. Он лишь натянуто кивнул, мгновенно посерьёзнев.

— Не бойся, — Жун Цзинь ободряюще подмигнул ему. — Старший брат рядом, подстрахует.

<http://bllate.org/book/18265/1752563>